

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

СНЕГ
В АПРЕЛЕ

От автора романа «Собиратели ракушек»,
включенного в топ-50 лучших книг
по версии ВВС

АЗБУКА

Розамунда Пилчер

Снег в апреле

Серия «The Big Book»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68910924

Розамунда Пилчер. : Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2023

ISBN 978-5-389-22496-4

Аннотация

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо» – и в данном случае это залог устойчивого читательского успеха.

Весенняя погода переменчива, особенно в Шотландии, – то солнце, а то вдруг метель. Кэролайн очень спешит, но из-за снегопада вынуждена сделать остановку в пути и постучаться в двери чужого дома. День ее свадьбы назначен на следующий вторник, однако коварный апрель, похоже, распорядился по-своему. Переменится не только погода, но и жизнь Кэролайн...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

63

Розамунда Пилчер

Снег в апреле

Rosamunde Pilcher

SNOW IN APRIL

Copyright © 1972 by Rosamunde Pilcher

This edition is published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© В. Г. Яковлева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

От автора романа «Собиратели ракушек»,
включенного в топ-50 лучших книг по версии BBC

Один из самых успешных писателей современности! Общий тираж книг Розамунды Пилчер превысил 60 миллионов экземпляров!

* * *

Я никогда не стану писать о незнакомых местах и людях которых недостаточно знаю. Все, о чем я рассказываю, мне близко и дорого.

Розамунда Пилчер

Не знаю, где Розамунда Пилчер была всю мою жизнь, но теперь, когда я нашел ее, я не собираюсь ее отпускать!

New York Times

Розамунду Пилчер можно с полным правом назвать Джейн Остин нашего времени.

Cosmopolitan

Прекрасный стиль.

Publishers Weekly

1

Окутанная благоухающим паром, Кэролайн Клайберн неподвижно лежала в ванне и слушала радио. Ванная комната, как, впрочем, и все помещения в этом большом доме, была очень просторной. Когда-то она служила гардеробной, но Дайана в один прекрасный день решила, что гардеробными больше никто не пользуется, приказала все отсюда вынести, наняла водопроводчиков и плотников, отделала помещение розовой керамической плиткой, постелила на пол толстый белый ковер и повесила на окна ситцевые занавески до по-

ла. Здесь стоял низенький столик со стеклянной столешницей, на которой располагались ароматические соли для ванны, журналы и большие овалы розового мыла, пахнущего, естественно, розами. Розы цвели и на французских махровых полотенцах, и на коврике возле ванны, где сейчас покоились халат и тапочки Кэролайн, маленький радиоприемник и книжка, которую она начала было читать, но потом отложила.

Из радиоприемника звучал вальс. Скрипки нежно вздыхали «раз-два-три, раз-два-три», вызывая в воображении картины украшенных пальмами танцевальных залов с кавалерами в белых перчатках и пожилыми дамами, сидящими в позолоченных креслах и одобрительно кивающими в такт приятной мелодии.

«А я буду в новом брючном костюме», – подумала Кэролайн. Но тут же вспомнила, что на пиджаке оторвалась позолоченная пуговица и, скорее всего, потерялась. Конечно, можно ее поискать, взять иголку с ниткой и снова пришить. Вся процедура займет не более пяти минут... но гораздо проще ничего этого не делать. И надеть длинное бирюзовое платье в восточном стиле или платье миди из черного бархата – Хью говорил, что в этом наряде она похожа на Алису в Стране чудес.

Вода уже подостыла. Большим пальцем ноги Кэролайн повернула кран с горячей водой и сказала себе, что выйдет из ванны в половине восьмого, обсушится полотенцем, накра-

сится и спустится вниз. Опоздает, конечно, но это не важно. Все будут ждать ее, рассевшись вокруг камина: Хью в бархатном смокинге (который ей не нравился, хотя она это скрывала) и Шон, затянутый в свой алый пояс. Холдейны тоже там будут: Элейн, допивающая вторую порцию мартини, и Паркер с его многозначительным взглядом – и почетные гости из Канады, партнеры Шона по бизнесу, мистер и миссис Гримандалл, кажется. А потом, выдержав приличествующую ситуации паузу, все двинется к обеденному столу, где их будет ждать черепаховый суп и рагу из бобов с мясом, над которым целое утро колдовала Дайана, а также великолепный пылающий пудинг, который внесут в столовую под ахи и охи присутствующих и восклицания: «Дайана, как тебе это удастся?»

Мысль о еде, как обычно, вызвала у Кэролайн тошноту. Странно, конечно. Несварение желудка – удел стариков, ожор и, возможно, беременных женщин, а Кэролайн в свои двадцать лет не входила ни в одну из этих категорий. Нет, ей не становилось плохо в прямом смысле слова, но и ничего хорошего она не ощущала. Наверное, перед следующим вторником – впрочем, нет, лучше после следующего вторника – придется навеститься к врачу. Кэролайн представила себе, как будет все это объяснять: «Я скоро выхожу замуж, и меня почему-то постоянно тошнит». Она отчетливо видела перед собой улыбку доктора, отеческую и понимающую: «Предсвадебные заботы, переживания, это совершенно есте-

ственно... выпишу-ка я вам успокоительное...»

Звуки вальса отзвучали, сменившись голосом диктора с выпуском новостей в семь тридцать. Кэролайн вздохнула и села, вынула пробку из сливного отверстия, подавив соблазн еще немного потянуть время, и выбралась из ванны на коврик. Выключила радио, кое-как вытерлась, накинула халатик и, оставляя на белом ковре влажные следы, прошла в спальню. Усевшись перед изогнутым туалетным столиком, она сняла шапочку для купания и без особого энтузиазма оглядела свое тройное изображение в зеркалах. Длинные и прямые молочно-белые волосы обрамляли ее лицо, как две шелковые кисти. Лицо это нельзя было назвать красивым в общепринятом смысле слова: скулы слишком высокие, нос короткий, рот широкий. Кэролайн знала, что может выглядеть как красоткой, так и уродиной, и только широко поставленные темно-карие глаза с длинными густыми ресницами оставались всегда прекрасными, даже теперь, когда ей казалось, что она совершенно разбита.

(Ей припомнилось, как Дреннан сказал однажды, давным-давно, обхватив ее голову ладонями и повернув к себе ее лицо: «Как так получается, что улыбка у тебя мальчишеская, а глаза женские? Причем глаза женщины, которая влюблена?» Они сидели на передних сиденьях его машины, на улице было темно и шел дождь. Кэролайн помнила звук дождя, барабанившего по крыше, тиканье автомобильных часов, ощущение ладони, обхватившей ее подбородок,

но это было все равно что вспомнить эпизод из книги или фильма, эпизод, которому она была лишь свидетельницей, но сама в нем не участвовала. Словно вовсе не с ней это происходило, а с кем-то другим.)

Она схватила щетку для волос, зачесала волосы назад, стянула их резинкой и начала накладывать макияж. В самый разгар этого занятия в коридоре послышались приглушенные толстым ковром шаги, затихшие возле ее двери. В дверь легонько постучали.

– Кто там?

– Можно войти? – послышался голос Дайаны.

– Конечно, – отозвалась Кэролайн.

Ее мачеха была уже одета в белое с золотом платье; пепельно-русые волосы, уложенные в ракушку, она закрепила золотой заколкой. Дайана выглядела, как всегда, безукоризненно: стройная, высокая, ухоженная. Голубизну глаз, из-за которых ее частенько принимали за скандинавку, подчеркивал загар, полученный благодаря регулярным посещениям солярия. Эта женщина обладала счастливой способностью выглядеть одинаково прекрасно и в лыжном костюме, и в твиде, и в сегодняшнем наряде, предназначенном для официального приема.

– Кэролайн, да ты совсем не готова!

Кэролайн взяла щеточку для ресниц и принялась ею манипулировать.

– Почему же, наполовину уже готова. Ты ведь знаешь, для

меня главное – начать, а там все пойдет быстро. Пожалуй, это единственная полезная для жизни вещь, которой я научилась в театральной школе, – прибавила она. – Наносить макияж ровно за одну минуту.

Она тут же пожалела об этих опрометчиво сказанных словах. В разговорах с Дайаной театральная школа была запретной темой, при одном упоминании о ней мачеха обычно сразу ощетиживалась.

– В таком случае можно считать, что два года, которые ты в ней провела, потрачены не зря, – холодно произнесла Дайана и, не дождавшись от прикусившей язык Кэролайн никакой реакции, продолжила: – Впрочем, торопиться не стоит. Хью здесь, Шон сейчас угощает его напитками, а вот Ландстромы немного опоздают. Она звонила из Коннахта и сказала, что Джона задержали на конференции.

– Ландстромы? Что-то я не помню этого имени. Я всегда звала их Гримандаллами.

– Как тебе не стыдно! Ты с ними даже не знакома.

– А ты?

– Знакома и считаю, что они чудесные люди.

Дайана начала демонстративно наводить в спальне порядок: поставила парами разбросанную обувь, сложила свитер, подобрала валяющееся посреди комнаты на полу влажное полотенце, аккуратно сложила его и отнесла в ванную. Судя по звукам, доносившимся оттуда, она ополоснула ванну, потом открыла и снова закрыла дверцу зеркального шкафчика,

чтобы поставить на место баночку с увлажняющим кремом, которую сначала закрыла крышкой.

– Дайана, а чем занимается мистер Ландстром? – спросила Кэролайн, повысив голос.

– Что? – переспросила Дайана, появившись в дверях, и Кэролайн повторила вопрос.

– Он банкир.

– И участвует в новой сделке Шона?

– Более того, он ее субсидирует. Поэтому и приехал, чтобы окончательно обсудить последние детали.

– То есть нам всем надо постараться вести себя хорошо и непременно его обаять.

Кэролайн встала, сбросила на пол халат и в чем мать родила пошла искать, что бы ей надеть.

Дайана присела на край кровати:

– Неужели для тебя это так трудно?.. Кэролайн, до чего же ты худущая. Кожа да кости. Тебе обязательно надо хоть немного поправиться.

– Я нормальная, – отозвалась Кэролайн. Она достала из переполненного ящика трусики и лифчик и принялась их надевать. – Такая уж я уродилась.

– Чепуха. Вон у тебя все ребра торчат. Ты почти ничего не ешь, только вид делаешь. Даже Шон это заметил на днях, а ты ведь знаешь, какой он невнимательный.

Кэролайн натянула колготки.

– И лицо у тебя совсем бледное. Я сразу заметила, как

только вошла. Боюсь, тебе надо начать принимать железо.

– Ну да, чтобы зубы почернели?

– Где ты наслушалась этих бабских сплетен?

– Наверное, моя бледность как-то связана со свадьбой.

Точнее, с необходимостью написать сто сорок три благодарственных письма.

– Не будь такой циничной... Кстати, звонила Роуз Кинтайр, спрашивала, что тебе подарить. Я предложила бокалы, которые ты видела на Слоун-стрит, помнишь, там еще гравировка с инициалами? А что ты сегодня наденешь?

Кэролайн открыла платяной шкаф и достала первое попавшееся под руку платье – из черного бархата.

– Это пойдет?

– Да. Я очень люблю это платье. Но к нему придется надеть черные чулки.

Кэролайн повесила платье обратно и взяла то, что висело рядом.

– А это?

К счастью, это оказался не брючный костюм, а платье в восточном стиле.

– Да. Оно очаровательное. Особенно с золотыми серьгами.

– Я свои потеряла.

– Ох, неужели те, что подарил тебе Хью?

– На самом деле не потеряла, просто куда-то сунула и не помню куда. Не волнуйся. – Она набросила на себя через

голову легкий как пух бирюзовый шелк. – И вообще, серьги на мне не смотрятся, если волосы не уложены.

Кэролайн принялась застегивать крохотные пуговички.

– А что Джоди? Где он будет ужинать? – спросила она.

– С Кэти в подвальчике. Я предложила ему ужинать с нами, но он захотел посмотреть по телевизору вестерн.

Кэролайн распустила волосы и гладко их причесала.

– Он сейчас там? – спросила она.

– Думаю, да.

Кэролайн побрызгала на себя духами из первого попавшегося пузырька.

– Если ты не против, я сначала спущусь вниз и пожелаю ему доброй ночи.

– Только не задерживайся. Ландстромы явятся минут через десять.

– Нет, я скоро.

Они вместе вышли на лестницу, и, когда начали спускаться в вестибюль, отворилась дверь в гостиную и появился Шон Карпентер с емкостью для льда в форме яблока, с крышкой, из которой торчал позолоченный яблочный черенок вместо ручки. Шон поднял голову и увидел спускающихся дам.

– У нас закончился лед, – объяснил он.

Потом еще раз окинул их взглядом, на этот раз изумленным, словно увидел перед собой совершенное чудо, и замер

посреди вестибюля, наблюдая, как они сходят вниз по ступеням.

– Ну разве вы обе не прекрасны? Боже мой, какая пара роскошных женщин!

Для Дайаны Шон был мужем, а для Кэролайн... она называла его по-разному. Мужем своей приемной матери. Или двоюродным отчимом. А то и попросту Шоном.

С Дайаной они были женаты три года, но, как любил рассказывать Шон, он стал ее воздыхателем гораздо раньше.

«Я познакомился с ней давным-давно, – говаривал он не раз. – И был уверен, что у меня все схвачено, а тут вдруг она отправляется куда-то в Грецию прикупить недвижимость. Не успел я и глазом моргнуть, как она пишет, что познакомилась с невесть откуда взявшимся архитектором по имени Джеральд Клайберн и тут же выскочила за него замуж. За душой у него ни гроша, детишки от прежнего брака, и сам – страшная богема. Меня как громом сразило».

Однако он Дайану не забыл и, будучи по природе человеком успешным, с равным успехом исполнял роль заядлого холостяка, человека зрелого, умудренного опытом, которого рада была видеть у себя любая хозяйка богатого дома в Лондоне и ежедневник которого был заполнен приглашениями на месяцы вперед.

Его холостяцкое существование было столь замечательным, столь прекрасно организованным и приятным, что, когда Дайана Клайберн овдовела и с двумя чужими детьми на

руках вернулась в Лондон, в свой старый лондонский дом, восстановила прежние связи и начала жизнь заново, по городу пошли разговоры о том, как в нынешних обстоятельствах поведет себя Шон Карпентер. Насколько глубоко он погрузился в рутину привычной и удобной холостяцкой жизни? Неужели – пусть даже ради Дайаны – он пожертвует своей независимостью и удовлетворится серой жизнью обыкновенного семейного человека? Судя по слухам, многие в этом сильно сомневались.

Но во всех этих сплетнях не принималась в расчет сама Дайана. Из Греции она вернулась еще более прекрасной и как никогда желанной для него. Теперь ей было тридцать два года, и она находилась в самом расцвете своего женского очарования. Шон, осторожно восстановивший с ней дружеские отношения, был окончательно сражен в считанные дни. Не прошло и недели, как он предложил ей руку и сердце и повторял свое предложение регулярно каждые семь дней, пока наконец неприступная крепость не сдалась.

Первым делом Дайана настояла на том, чтобы он сам сообщил эту новость Кэролайн и Джоди.

«Отец из меня, конечно, никакой, – говорил он, расхаживая перед ними по ковру гостиной и чувствуя, как его прошибает пот под их ясными и на удивление одинаковыми взглядами. – Я просто не знаю, что это такое и с чем это едят. Но я бы хотел, чтобы вы чувствовали и знали, что всегда можете на меня рассчитывать как на близкого друга и,

возможно, поверенного в сложных финансовых вопросах... в конце концов, это ваш дом... и я бы хотел, чтобы вы чувствовали...»

Он продолжал в том же духе, проклиная Дайану за то, что она поставила его в столь щекотливое положение, и желая, чтобы все шло своим чередом и чтобы его отношения с Кэролайн и Джоди развивались естественно и неспешно. Но Дайана была по натуре женщина нетерпеливая, она всегда и во всем хотела определенности и ясности.

Джоди и Кэролайн с глубоким сочувствием наблюдали за Шоном, однако ничего не говорили и ничего не пытались делать, чтобы помочь ему выпутаться. Шон Карпентер им нравился, но чистыми глазами юных существ они не могли не видеть, что он уже под каблуком у Дайаны. Он витиевато рассуждал о том, что дом на Милтон-Гарденс – это их дом, в то время как настоящим домом для них был и всегда будет белый, как сахарная голова, куб, высоко вознесшийся над лазурной синевой Эгейского моря. Но все это уже позади, все это бесследно кануло в глубинах суматошного прошлого. Что собирается делать Дайана и кого она выбрала себе в мужья, их не касалось. Впрочем, если ей так уж приспичило выходить замуж, они были рады, что ее избранником оказался большой и добрый Шон.

И вот теперь, когда Кэролайн проходила мимо него, он учтиво, церемонно и немного неуклюже сделал шаг в сторону, держа чашу для льда как некое подношение. От него пах-

ло шампанским брют и свежестью чистого белья, и Кэролайн вспомнила вечно заросший щетиной подбородок отца и синие рабочие рубашки, которые он предпочитал носить прямо с бельевой веревки, пока их еще не коснулся утюг. Вспомнила она и горячие споры, которым они с Дайаной предавались с большим удовольствием и в которых отец почти всегда выходил победителем! И снова, уже не в первый раз, удивилась тому, что эта женщина сочла возможным выбрать в мужья двух мужчин, так сильно отличающихся друг от друга.

Спуститься на полуподвальный этаж, во владения Кэти, было все равно что попасть в другой мир. Наверху повсюду задавали тон ковры пастельных расцветок, канделябры и тяжелые бархатные портьеры. Внизу же царил веселый, естественный беспорядок. Покрытые клетчатым линолеумом полы соперничали с живописными ковриками, занавески были раскрашены узорами в виде зигзагов и листиков, все горизонтальные поверхности были уставлены фотографиями, фарфоровыми пепельницами с давно позабытых приморских курортов, разрисованными раковинами и вазами с искусственными цветочками. В камине ярко горел настоящий огонь, а перед камином, свернувшись калачиком в продавленном кресле и не отрывая глаз от мерцающего экрана телевизора, сидел брат Кэролайн, Джоди.

На нем были джинсы, темно-синий свитер с отложным воротником, потрепанные ботинки и, по непонятной причине,

старая яхтсменская фуражка на несколько размеров больше, чем нужно. Джоди поднял голову, когда Кэролайн вошла, но тут же его взгляд снова прилип к экрану, как будто мальчик не хотел пропустить ни единого кадра, ни единой секунды действия.

Кэролайн пододвинула его в кресле и втиснулась рядом с ним.

– Кто эта девушка? – выдержав паузу, спросила она.

– Да ну, дура какая-то. Только и делает, что целуется. Видно, из этих.

– Чего ж ты не выключишь?

Джоди обдумал ее слова, решил, что это неплохая идея, выбрался из кресла и выключил телевизор. Издав легкий стон, экран погас. Джоди остался стоять на коврике перед камином, молча глядя на Кэролайн.

Ему было одиннадцать лет, хороший возраст: уже не ребенок, но пока еще невысок ростом, довольно щуплый, вспыльчивый и прыщавый. Они с Кэролайн были так похожи, что незнакомые люди, увидев их в первый раз, сразу догадывались, что это брат и сестра, хотя Кэролайн была светловолосой, а ярко-каштановые волосы Джоди отливали рыжиной, да и веснушек у Кэролайн почти не было, всего несколько штук на переносице, а у Джоди они были везде, рассыпанные, как конфетти, по спине, плечам и рукам. Глаза у него были серые. Когда он улыбался, медленно и обезоруживающе, становилось видно, что зубы великоваты для его лица и

не очень ровные, словно пытаются растолкать друг друга и отвоевать для себя побольше пространства во рту.

– А где Кэти? – спросила Кэролайн.

– В кухне.

– Ты обедал?

– Да.

– То же самое, что и мы?

– Поел супу. Но второго не захотел, и Кэти поджарила мне яичницу с ветчиной.

– Жалко, я бы тоже с тобой поела. Ты не видел Шона и Хью?

– Видел. Когда поднимался наверх. – Он скорчил рожу. – Тебе не повезло: Холдейны придут.

Они обменялись заговорщицкими улыбками. К Холдейнам оба относились примерно одинаково.

– Где ты взял эту фуражку? – спросила Кэролайн.

Джоди совсем забыл, что она у него на голове. Он сразу сконфузился и снял ее.

– Просто нашел. В детской, в старом ящике с маскарадной одеждой.

– Это же папина.

– Да, я так и подумал.

Кэролайн потянулась и забрала у него фуражку, грязную и измятую, в пятнах соли, с почти оторванной кокардой.

– Папа надевал ее, когда ходил под парусом. Он говорил, что правильная одежда придает ему уверенности и, если кто-

нибудь ругает его, когда он делает что-то не так, он просто огрызается в ответ, и все.

Джоди заулыбался.

– Помнишь, как он про это рассказывал?

– Кое-что помню, – ответил Джоди. – Помню, как он читал мне «Рикки-Тикки-Тави».

– Ты был еще совсем маленький. Лет шесть тебе было. Но надо же, помнишь.

Он опять улыбнулся. Кэролайн встала и снова надела фуражку на голову брата. Козырек закрыл ему лицо, и ей пришлось нагнуться, чтобы поцеловать мальчика.

– Доброй ночи, – сказала она.

– Доброй ночи, – отозвался Джоди, но не двинулся с места.

Уходить от него ей очень не хотелось. Подойдя к лестнице, она оглянулась. Джоди пристально смотрел на нее из-под козырька этой нелепой фуражки, и в глазах его было нечто такое, что заставило ее спросить:

– Что-то случилось?

– Нет, ничего.

– Тогда до завтра?

– Да, – кивнул Джоди. – Конечно. Спокойной ночи.

Кэролайн поднялась наверх. Дверь в гостиную была закрыта, оттуда доносился неясный шум голосов, Кэти занималась тем, что вешала на плечики чью-то темную шубу и

убирала в стенной шкаф возле входной двери. На Кэти было бордовое платье с фартуком в цветочек – ее уступка формальностям званого ужина. Увидев внезапно появившуюся Кэролайн, она сильно вздрогнула:

– Ой, как же вы меня напугали!

– Кто это пришел?

– Мистер и миссис Олдейн. Они уже там. – Кэти мотнула головой в сторону двери. – Вам лучше поторопиться, вы опоздали.

– Я ходила повидаться с Джоди.

Она остановилась возле Кэти, прислонившись к перилам, – уж очень ей не хотелось идти туда, где все. Кэролайн представила себе, какое это было бы блаженство – отправиться в свою комнату, забраться в постель и чтобы ей принесли вареное яйцо.

– Он все еще смотрит кино про индейцев?

– Вряд ли. Сказал, что там постоянно целуются.

Кэти скорчила гримаску:

– Лучше уж посмотреть про поцелуи, чем про всякие безобразия, вот что я вам скажу. – Она закрыла дверцу шкафа. – Да-да, лучше интересоваться поцелуями, чем шляться по улицам и колошматить старушек по голове их же собственными зонтиками.

И с этим многозначительным замечанием она отправилась обратно в кухню. Кэролайн осталась одна и, не имея больше поводов задерживаться, прошла через вестибюль,

натянула на лицо улыбку и открыла дверь гостиной. (Искусство эффектно появляться она тоже усвоила в театральной школе.) Шум разговоров сразу стих, и кто-то сказал:

– А вот и Кэролайн.

Гостиная Дайаны вечером, залитая в честь званого ужина ярким светом, блистала, как театральная сцена с тщательно подобранной декорацией. Три высоких окна, выходящие на тихую площадь, были задрапированы светлыми желто-зелеными бархатными шторами. Обстановку гостиной составляли огромные мягкие диваны розового и бежевого цвета, бежевый же ковер и современный итальянский кофейный столик из стали и стекла, изумительно сочетающийся со старинными картинами, шкафчиками из орехового дерева и прочей мебелью в стиле чиппендейл. Повсюду были расставлены цветы, и воздух был насыщен разными изысканными и дорогими ароматами, среди которых выделялись гиацинт, духи «Мадам Роша» и гаванская сигара Шона.

Все стояли именно так, как и представляла Кэролайн, собравшись вокруг камина с бокалами в руках. Не успела она закрыть за собой дверь, как от общей группы отделился Хью, поставил свой бокал и направился к ней через комнату.

– Дорогая, – сказал он, взял ее за плечи и наклонился для поцелуя, потом взглянул на свои тонкие золотые наручные часы, продемонстрировав при этом высунувшуюся накрахмаленную манжету, прихваченную изысканной золотой запонкой. – Опаздываешь.

– Но ведь Ландстромы даже еще не пришли.

– Где ты была?

– У Джоди.

– Тогда ты прощена.

Хью был высокий, гораздо выше Кэролайн, стройный, смуглый, начинающий лысеть. Это его немного старило, на самом деле ему исполнилось всего тридцать три года. Он был одет в темно-синий бархатный смокинг, вечернюю рубашку с полосками тонкого кружева, и в карих глазах его, темных до черноты под густыми бровями, в данный момент читалось некоторое раздражение, смешанное с удовольствием видеть Кэролайн и с долей гордости за нее.

Она успела разглядеть эту гордость, и ей стало легче. Хью Рэшли был человеком с принципами, которым нужно соответствовать, и Кэролайн тратила много времени на борьбу с ощущением своей полной несостоятельности. Во всех других отношениях он был, как будущий муж, в высшей степени удовлетворителен, успешен в избранной им деятельности в качестве брокера фондовой биржи, на удивление внимателен и заботлив, пускай даже его стандарты порой достигали чрезмерных высот. Но этого, наверное, и следовало ожидать: таково было свойство, присущее всем членам его семьи, а он, как ни крути, был братом Дайаны.

Элейн Холдейн всегда относилась к Кэролайн с прохладцей, поскольку муж ее, Паркер Холдейн, закоренелый грехо-

водник, волочился за каждой хорошенькой молодой женщиной, а Кэролайн, несомненно, была одной из них. Саму Кэролайн это не слишком трогало. Во-первых, с Элейн они редко пересекались, поскольку Холдейны жили в Париже, где Паркер возглавлял французское отделение крупного американского рекламного агентства и приезжал в Лондон только на важные совещания раз в два или три месяца. Их визит к Дайане выпал как раз на один из его приездов.

Во-вторых, Кэролайн и сама недолюбливала Элейн, и это было очень некстати, потому что та была лучшей подругой Дайаны.

«Почему ты так бесцеремонно обращаешься с Элейн?» – не раз спрашивала ее Дайана.

«Ну прости», – пожимала плечами Кэролайн, зная, что лучшего ответа не придумаешь, ведь стоит только ввязаться в подробные объяснения, как Дайана обидится еще больше.

Элейн была весьма привлекательной и незаурядной женщиной, правда с излишней склонностью к пышным нарядам, от которой даже жизнь в Париже не смогла ее исцелить. Ей также частенько удавалось быть довольно остроумной, но благодаря собственному горькому опыту Кэролайн скоро поняла, что в ее шуточках и остротах таились ядовитые шипы злословия, направленные на друзей и знакомых, которым в то время не довелось оказаться рядом. Слушать ее было жутковато: кто знает, что она станет говорить о тебе в подобной же ситуации.

Зато Паркера никто не воспринимал всерьез.

– Прекрасное создание. – Он наклонился, чтобы запечатлеть поцелуй на руке Кэролайн, и она уже почти приготовилась к тому, что он вот-вот щелкнет каблуками. – Почему вы всегда заставляете нас ждать?

– Я заходила к Джоди пожелать ему доброй ночи, – ответила Кэролайн и повернулась к его жене. – Добрый вечер, Элейн.

Они слегка соприкоснулись щеками, одновременно поцеловав воздух.

– Здравствуйте, дорогая. Какое миленькое платье!

– Благодарю вас.

– В свободной одежде чувствуешь себя так легко... – Элейн сделала глубокую затяжку и выпустила густое облако дыма. – А мы с Дайаной только что говорили об Элизабет.

У Кэролайн упало сердце, но она вежливо спросила:

– Как у нее дела?

И замолчала, ожидая услышать, что Элизабет уже помолвлена, что Элизабет гостила у Ага-хана¹, что Элизабет была в Нью-Йорке и позировала для журнала «Вог».

Элизабет была дочерью Элейн от прошлого брака, немного старше Кэролайн, и у той иногда возникало чувство, что об Элизабет она знает больше, чем о себе самой, хотя они никогда не встречались. Элизабет жила попеременно то с мате-

¹ Имеется в виду Карим Ага-хан IV, крупный предприниматель, благотворитель, коннозаводчик.

рю в Париже, то с отцом в Шотландии, и в тех редких случаях, когда судьба заносила ее в Лондон, Кэролайн неизменно бывала где-то в отъезде.

Сейчас Кэролайн старалась припомнить, какие она слышала последние новости о жизни Элизабет.

– Кажется, она была где-то на Карибских или Багамских островах?

– Да, моя дорогая, она гостила у старой школьной подружки и чудесно провела время. Но пару дней назад прилетела домой, к отцу, и представляете, с какой ужасной новостью он встретил ее в аэропорту Прествика?

– И какой же?

– Понимаете, десять лет назад, когда мы с Дунканом еще были вместе, мы с ним купили в Шотландии одно имение... точнее, это Дункан купил его, несмотря на то что я решительно возражала... С точки зрения нашего брака это была последняя капля в чаше моего терпения.

Она остановилась с растерянным выражением на лице – видимо, сбилась с мысли.

– Элизабет, – кротко подсказала ей Кэролайн.

– Ах да, конечно. В общем, первым делом Элизабет подружилась там с двумя мальчиками из соседнего имения... ну, не совсем мальчиками – когда мы с ними познакомились, они уже были взрослыми, очаровательные такие юноши... и вот они взяли Элизабет под свое крылышко и относились к ней как к младшей сестренке. Не успели мы оглянуться, как

она стала совершенно своей у них в доме, словно всю жизнь там прожила. Они ее обожали, но старший брат особенно о ней заботился, и можете себе представить, дорогая моя, перед самым ее приездом он разбился на автомобиле! Этот жуткий гололед на дорогах... Его машина врезалась прямо в каменную стену.

Вопреки своей воле, Кэролайн была искренне потрясена.

– Боже, какой кошмар! – проговорила она.

– Страшно подумать! Ему было всего двадцать восемь лет. Чудесный земледелец, прекрасный стрелок да и просто милый человек. Можете себе представить такое возвращение домой... Бедняжка позвонила мне вся в слезах и рассказала об этом, и я очень хочу, чтобы она приехала в Лондон, встретилась тут со всеми нами, и мы уж как-нибудь постараемся ее успокоить, развлечь и утешить, но она говорит, что ей почему-то нужно быть там...

– Не сомневаюсь, что ее отец только рад, когда она рядом с ним... – вставил Паркер, который выбрал этот момент, чтобы материализоваться возле Кэролайн и вручить ей бокал с мартини, обжигающе холодный. – Ну, кого мы ждем теперь?

– Ландстромов. Они из Канады. Он банкир из Монреаля. Их визит как-то связан с новым проектом Шона.

– Неужели Дайана с Шоном поедут жить в Монреаль? – спросила Элейн. – А как же мы? Что мы будем без них делать? Дайана, что мы будем делать тут без вас?

– И надолго они уезжают? – спросил Паркер.

– На три или четыре года. Может, меньше. Уедут сразу после свадьбы.

– А этот дом? Вы с Хью собираетесь здесь жить?

– Он слишком большой для нас. У Хью есть своя прекрасная, просторная квартира. Нет, Кэти, конечно, останется здесь, будет присматривать за домом. Дайана подумывает, не сдать ли его на время, если найти подходящего съемщика.

– А Джоди?

Кэролайн посмотрела на него, потом на свой бокал:

– Джоди поедет с ними. Будет там жить.

– Разве вы не против?

– Разумеется, я против. Но Дайана хочет забрать его с собой.

Ну а Хью не хочет вешать на себя обузу. Во всяком случае, пока. Завести своего ребенка – может быть, через пару лет, но не этого одиннадцатилетнего парня. Дайана уже определила его в частную школу, а Шон говорит, что отдаст его в секцию, где парнишку научат стоять на коньках и играть в хоккей.

Паркер не отрывал от нее пристального взгляда, и Кэролайн криво улыбнулась:

– Паркер, вы же знаете Дайану. Она строит планы, и – бах! – у нее все получается.

– Вы ведь будете по нему скучать?

– Да, буду скучать.

Наконец-то явились Ландстромы, были представлены обществу, им выдали напитки и ненавязчиво втянули их в общий разговор. Кэролайн под предлогом, что ищет сигареты, отошла в сторонку, с любопытством наблюдая за новыми гостями, и подумала, что они чрезвычайно похожи друг на друга, как частенько бывает с семейными парами: оба высокого роста, несколько угловатые, спортивного телосложения. Она представила себе, как по выходным они вместе играют в гольф, а летом плавают под парусом и, возможно, участвуют в океанских парусных гонках. Платье на миссис Ландстром было очень простым, бриллианты – великолепными, а мистер Ландстром казался бесцветным ничтожеством – глядя на него, никогда не подумаешь, что это невероятно успешный человек.

Кэролайн вдруг пришло в голову, что было бы чудесно, словно глоток свежего воздуха, если б сейчас в гостиную вошел какой-нибудь бедняк, неудачник, человек без нравственных устоев или даже просто пьяница. Или, скажем, художник, вечно голодный на своем чердаке. Писатель, пишущий романы, которые никто не хочет покупать. А то и жизне-радостный бродяга с трехдневной щетиной на щеках и с пухом, которое весьма неизящно вываливается у него из штанов. Кэролайн вспомнила друзей своего отца, таких разных, нередко с сомнительной репутацией, способных до глубокой ночи сосать дешевое винцо и падающих спать там, где их настигнет сон, на потрепанном диване или водрузив ноги на

низенькую стенку террасы. Вспомнила свой дом на острове Афрос ночью порой, окрашенный лунным светом в черно-белые тона, и неумолчный шум моря.

– ...Мы идем садиться за стол, – внезапно ворвался в ее сознание голос Хью.

Кэролайн поняла, что он говорит ей это уже не в первый раз.

– Что-то ты размечталась, Кэролайн. Допивай мартини, и пойдем, пора что-нибудь перекусить.

За обеденным столом она оказалась между Джоном Ландстромом и Шоном. Шон усердно колдовал над графином для вина, и ей, естественно, пришлось разговаривать с мистером Ландстромом.

– Это ваш первый приезд в Англию? – спросила Кэролайн.

– О, вовсе нет! Я и прежде бывал здесь много раз. – Он поправил на столе нож и вилку, слегка нахмурившись. – Однако я что-то запутался. Я имею в виду ваши семейные отношения. Вы – падчерица Дайаны?

– Да, верно. И я выхожу замуж за Хью, ее брата. Многие, похоже, думают, что такой брак противоречит законам, но это вовсе не так. Я хочу сказать, что в церковных канонах об этом ничего не сказано.

– У меня и мысли такой не было, что это незаконно. Наоборот, неплохо придумано. Все нужные люди остаются в одной семье.

– Вам не кажется, что это несколько узколобо?

Мистер Ландстром поднял на нее глаза и улыбнулся. Когда он улыбался, то становился меньше похожим на богача, выглядел и моложе, и веселее. Человечнее. Кэролайн даже почувствовала к нему симпатию.

– Скорее практично. Когда у вас свадьба?

– В следующий вторник. Никак не могу в это поверить.

– А вы не хотите вдвоем навестить Шона и Дайану в Монреале?

– Надеюсь, когда-нибудь навестим. Но не сразу.

– И еще у вас тут есть мальчик...

– Да, Джоди, мой брат.

– Он едет вместе с ними.

– Да.

– В Канаде он будет чувствовать себя как рыба в воде.

Прекрасная страна для мальчишки.

– Да, – снова сказала Кэролайн.

– И что, вас только двое?

– О нет, – ответила Кэролайн. – Есть еще Энгус.

– Тоже ваш брат?

– Да. Ему скоро будет двадцать пять лет.

– А чем он занимается?

– Нам это неизвестно.

Брови Джона Ландстрорма удивленно, хотя и достаточно деликатно, поползли вверх.

– Я серьезно, – сказала Кэролайн. – Никто не знает, где он и чем занимается. Понимаете, раньше мы жили на острове

Афрос в Эгейском море. Мой отец был архитектором, своего рода агентом для тех, кто хотел купить там недвижимость или построить дом. Так он и познакомился с Дайаной.

– Погодите-ка. Вы хотите сказать, что Дайана приехала туда, чтобы купить землю?

– Да, и построить на ней дом. Но она не сделала ни того ни другого. Зато познакомилась с моим отцом, вышла за него и осталась с нами на Афросе, стала жить в том доме, который у нас был всегда...

– Однако вы вернулись в Лондон?

– Да. Видите ли, наш отец умер, и Дайана забрала нас с собой. Но Энгус сказал, что он никуда не поедет. Ему было тогда девятнадцать лет, он носил длинные волосы до плеч, и в голове у него гулял ветер. И Дайана сказала, что если он хочет остаться на Афросе, то пусть остается, а он сказал, что она может продать дом, потому что он приобрел подержанный военный внедорожник и собирается ехать через Афганистан в Индию. Дайана спросила, что он собирается там делать, а Энгус ответил, что хочет найти себя.

– Таких, как он, тысячи, вы ведь понимаете?

– От этого не легче, когда речь идет о твоём брате.

– И с тех пор вы его не видели?

– Нет, почему же. Вскоре после того, как Дайана и Шон поженились, он вернулся, но вы знаете, как это бывает. Мы надеялись, что он одумался, стал благоразумным, но он ни-сколько не изменился, остался таким же упёртым, и что бы

ни предлагала ему Дайана, все становилось только хуже, а потом он снова отправился в Афганистан, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

– Совсем?

– Ну... один раз пришла весточка. Открытка из Кабула или Шринагара², а может, из Тегерана... в общем, откуда-то оттуда.

Она улыбнулась, пытаясь свести все к шутке, но, прежде чем Джон Ландстром успел придумать, что сказать в ответ, за его плечом возникла Кэти и поставила перед ним тарелку с черепаховым супом, прервав их разговор, так что он отвернулся от Кэролайн и заговорил о чем-то с Элейн.

Вечер, как и следовало ожидать, тянулся медленно, церемонно и для Кэролайн ужасно скучно. После кофе и бренди все снова собрались в гостиной. Мужчины переместились в один угол поговорить о делах, а женщины расположились возле камина и принялись обмениваться сплетнями, строить планы на жизнь в Канаде и восхищаться гобеленом, над которым в данный момент трудилась Дайана.

Через какое-то время Хью отделился от группы мужчин, якобы для того, чтобы снова наполнить стакан для Джона Ландстрома. Но, сделав это, он подошел к Кэролайн и сел на

² *Шринагар* – город в Индии, в окрестностях которого, по ряду легенд, расположена могила Иисуса Христа. Мавзолей Иисуса Христа доступен для посещения туристов.

подлокотник ее кресла:

– Ну как ты?

– Почему ты спрашиваешь?

– У тебя еще есть силы, чтобы сходить в «Арабеллу»?

Она подняла голову и посмотрела на него. Из глубины кресла его лицо предстало перед ней почти перевернутым. Очень необычный ракурс.

– А который теперь час?

Хью посмотрел на часы:

– Одиннадцать. Ты не слишком устала?

Ответить она не успела: Дайана услышала их разговор и, оторвавшись от своего гобелена, скомандовала:

– Давайте, давайте, марш отсюда оба!

– Куда это они собрались? – спросила Элейн.

– В «Арабеллу». Небольшой клуб, в котором состоит Хью.

– Звучит интригующе...

Элейн посмотрела на Хью с видом завсегдатая лучших лондонских ночных клубов.

Хью и Кэролайн извинились, пожелали всем доброй ночи и вышли. Кэролайн пошла наверх, чтобы захватить плащ и поправить прическу. У двери Джоди она остановилась, но свет в его комнате не горел, и оттуда не доносилось ни звука, поэтому она решила не беспокоить брата и спустилась к ожидавшему ее в вестибюле Хью. Он открыл перед ней дверь, они вышли в теплую темноту ветреной ночи и двинулись по тротуару туда, где Хью оставил машину; развернувшись на

площади, выехали на Кенсингтон-Хай-стрит, и сквозь мчащиеся по ветру рваные облачка Кэролайн увидела тоненький серпик луны. Деревья в парке качали голыми ветвями; оранжевое сияние города отражалось в небе, и Кэролайн опустила стекло, позволив прохладному встречному ветру трепать ее волосы. Она подумала, что в такую ночь лучше всего было бы брести где-нибудь за городом по неосвещенным дорогам, в неверном свете ночного светила, и слушать, как шелестит ветер в ветвях деревьев.

Она вздохнула.

– Ну а теперь что такое? – спросил Хью.

– Ты о чем?

– Опять вздыхаешь. Будто с тобой что-то стряслось.

– Пустяки.

После паузы Хью спросил:

– Все в порядке? Тебя что-то беспокоит?

– Нет.

Да и о чем ей беспокоиться, в конце-то концов? Не о чем. Но с другой стороны... Она, например, почему-то постоянно плохо себя чувствовала. Интересно, думала она, почему с Хью нельзя говорить об этом? Наверное, потому, что сам он всегда здоров и в прекрасной форме. Полный сил, деятельный, энергичный и, похоже, никогда не устает. Так или иначе, быть нездоровой скучно и тем более скучно говорить об этом.

Молчание затягивалось. Наконец, пока они стояли на пе-

рекрестке и ждали, когда загорится зеленый свет, Хью заговорил:

– Ландстромы очень приятные люди.

– Да. Я рассказывала мистеру Ландстрому про Энгуса, и он меня слушал.

– А чего еще ты ожидала от него?

– Наверное, того, что делают все остальные. Изображают потрясение, ужас, восхищение или просто меняют тему. Дайана, например, терпеть не может говорить об Энгусе. Думаю, это потому, что он был ее единственной неудачей. И остается до сих пор, – добавила она.

– Потому что он не поехал с вами в Лондон, ты это хочешь сказать?

– Да, и не стал учиться на бухгалтера или еще на кого-нибудь, уж не знаю, кого она из него хотела вылепить. Он выбрал то, что было интересно ему самому.

– Рискую услышать обвинение в том, что я принимаю сторону Дайаны в данном споре, я все-таки скажу, что ты сама сделала то же самое. Не считаясь ни с чьим мнением, поступила в театральную школу и ухитрилась даже получить постоянную работу...

– Всего на полгода.

– Ты ведь тогда заболела. У тебя было воспаление легких. Ты в этом не виновата.

– Да. Но потом мне стало лучше, и если бы я действительно чего-то стоила, то вернулась бы и начала все сначала. Од-

нако я этого не сделала, я струсилась. Дайана всегда говорила, что мне не хватает стойкости, так что в итоге она оказалась права. Правда, на этот раз я не услышала от нее: «Я же тебе говорила».

– Но если бы ты оставалась на сцене, – мягко сказал Хью, – то, наверное, не согласилась бы выйти за меня замуж.

Кэролайн бросила быстрый взгляд на его профиль, необычно освещенный сверху уличными фонарями, а снизу – лампочками на приборной доске. В такой подсветке Хью казался мрачным и каким-то неприятным.

– Наверное, не согласилась бы.

Однако все было не так просто. Причин, по которым она собиралась выйти за Хью, было великое множество, и все они так тесно переплетались одна с другой, что распутать этот клубок было почти невозможно. Но самым важным, как ей казалось, было чувство благодарности. Хью вошел в ее жизнь, когда она хулиганкой пятнадцатилетней девчонкой приехала вместе с Дайаной из Греции. И уже тогда, замкнутая, молчаливая и несчастная, наблюдая за тем, как Хью возится с багажом и паспортами, нянчится с усталым и хнычущим Джоди, она увидела и сразу оценила его добрые качества. Он был как раз тем надежным родственником мужского пола, в котором она всегда нуждалась и которого никогда не имела. Было так приятно ощущать, что о тебе кто-то заботится, снимает с тебя ответственность за принятие решений, и его покровительственное отношение к ней – не то чтобы отече-

ское, но как бы дядюшкино – оставалось неизменным все эти годы трудного взросления.

Еще один фактор, с которым надо было считаться, – сама Дайана. Похоже, она с самого начала решила, что Хью и Кэролайн когда-нибудь составят прекрасную пару. Ее явно привлекала простота и четкость этого плана. Осторожно, едва заметно – она была слишком умна, чтобы действовать напролом, – Дайана дергала за ниточки, и как-то само собой выходило, что они с Хью почти всегда были вместе. «На вокзал тебя может отвезти Хью». «Дорогая, постарайся к ужину быть дома, придет Хью, и я хочу, чтобы за столом нас было четное число».

Но даже такое постоянное давление оказалось бы тщетным, если бы не роман Кэролайн с Дреннаном Коулфилдом. После этого... после такого вихря страсти Кэролайн казалось, что весь мир перевернулся и ее жизнь уже никогда не будет прежней. Когда буря прошла и у нее вновь достало сил глядеть на мир без слез, она с удивлением увидела, что Хью никуда не делся, он был рядом. Все это время он терпеливо ждал ее. Но теперь он и сам хотел жениться на ней, и у нее не нашлось ни малейшего повода ему отказать.

– Ты сегодня молчала весь вечер, – сказал он.

– А мне показалось, что я болтала без умолку.

– Если тебя будет что-то тревожить, ты ведь мне расскажешь?

– Просто все происходит слишком быстро, а сделать надо

еще очень много, а эта встреча с Ландстромами вызывает у меня такое чувство, будто Джоди уже забрали в Канаду и я никогда его больше не увижу.

Хью помолчал, полез за сигаретой, прикурил от специальной штуки в приборной доске и вставил ее обратно.

– Уверяю тебя, что это всего лишь предсвадебная депрессия, или как там ее называют в женских журналах.

– А отчего она бывает?

– Ну, наверное, слишком многое нужно продумать, слишком много писем написать, слишком много подарков распаковать. Примерять платья, выбирать занавески, а в дверь то и дело барабанят то рестораторы с предложениями, то торговцы цветами. Такое кого угодно может сорвать с катушек.

– Почему же ты позволил втянуть нас в этот грандиозный процесс?

– Потому что мы оба много значим для Дайаны, и если бы мы просто потихоньку зарегистрировались и потом провели пару дней в Брайтоне, то сделали бы ее бесконечно несчастной.

– Но мы люди, а не жертвенные ягнята.

Хью положил ладонь ей на руку:

– Ну не расстраивайся ты так. Вторник уже совсем скоро, а там все быстро кончится, и мы полетим на Багамы, и ты будешь с утра до вечера лежать на солнышке и есть одни только апельсины, и никому не надо будет писать письма. Как тебе такая перспектива?

– А мне бы хотелось, чтобы мы поехали на Афрос, – отозвалась она, прекрасно понимая, что это звучит как-то по-детски.

Хью начал терять терпение:

– Кэролайн, мы с тобой уже тысячу раз говорили об этом...

Она перестала его слушать, и мысли ее вновь устремились туда, где она родилась. Она представила себе оливковые рощи Афроса, древние деревья сплошь в цветущих маках по колено и лазурное море на заднем плане. И поля, покрытые благоухающими гиацинтами и бледно-розовыми цикламенами. И звенящие колокольчиками стада коз, и горный воздух, насыщенный запахом сосен, источающих тепло и сочащихся смолой.

– ...Да и вообще, о чем мы говорим, когда все уже организовано?

– Но когда-нибудь мы все-таки съездим на Афрос, а, Хью?

– Ты меня совсем не слушала, пропустила мои слова мимо ушей.

– Могли бы снять там какой-нибудь домик.

– Нет.

– Или арендовать яхту.

– Нет.

– Ну почему ты не хочешь туда поехать?

– Потому что мне кажется, что было бы лучше, если бы ты помнила, как там было раньше, а не как сейчас, когда все

испорчено застройщиками и высотными гостиницами.

– Откуда ты знаешь, ты же там не был?

– Догадываюсь.

– Но...

– Нет, – отрезал Хью.

Несколько секунд оба молчали.

– А я все равно хочу вернуться туда, – упрямо заявила Кэролайн.

2

Когда они вернулись домой, часы в вестибюле били два часа ночи. Под торжественный мелодичный перезвон Хью повернул в замке ключ Кэролайн и распахнул перед ней черную дверь. В вестибюле горел свет, но лестница тонула во мраке. В доме было очень тихо, званый ужин давно закончился, и все разошлись по своим спальням.

Кэролайн повернулась к Хью:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, дорогая.

Они поцеловались.

– Когда мы снова увидимся? Завтра вечером меня не будет в городе... Может, во вторник?

– Приходи к нам ужинать. Я предупрежу Дайану.

– Обязательно.

Хью улыбнулся и открыл дверь, собираясь выйти.

– Спасибо тебе за прекрасный вечер, – успела сказать Кэролайн, прежде чем он закрыл за собой дверь.

Щелкнул замок, и Кэролайн осталась одна. Она подождала, прислушиваясь к звуку его автомобиля.

Когда шум двигателя умолк вдали, Кэролайн повернулась и медленно, ступенька за ступенькой, пошла наверх, держась за перила. Поднявшись, она выключила свет в вестибюле и двинулась по коридору к своей спальне. Шторы в комнате были задернуты, постель разобрана, ночная рубашка лежала поверх стеганого одеяла в ногах кровати. Уронив сумочку, на ходу сбрасывая на ковер туфли, плащ и шарф, Кэролайн наконец добралась до кровати и рухнула на нее, не думая о том, что платье неизбежно помнется. Полежав немного, она медленно расстегнула маленькие пуговицы, через голову стащила с себя платье и сняла остальную одежду; затем надела ночную рубашку, ощутив кожей ее прохладу и легкость. Босиком прошла в ванную комнату, кое-как сполоснула лицо, почистила зубы. Эти процедуры освежили ее. Усталость еще чувствовалась, но голова работала и мысли бегали живо, как белка в клетке.

Кэролайн вернулась к туалетному столику, взяла было щетку, потом решительно ее отложила, открыла нижний ящик столика и достала письма от Дреннана, целую пачку, перевязанную красной ленточкой, вместе с их совместной фотографией, на которой они на Трафальгарской площади кормят голубей; тут же были старые театральные программ-

ки, листочки ресторанных меню и все остальные бесценные листки бумаги, которые она собрала вместе и бережно хранила, потому что это был единственный осязаемый способ остановить, зафиксировать то время, которое они провели вместе.

«Ты ведь тогда заболела, – сказал вечером Хью, пытаюсь как-то оправдать ее. – У тебя было воспаление легких».

Объяснение простое и понятное. Но никто из них, даже Дайана, не знал про Дреннана Коулфилда. И даже когда все было кончено и Дайана с Кэролайн вдвоем находились на Лазурном Берегу, куда Дайана отвезла ее на поправку, Кэролайн так и не рассказала ей, что случилось на самом деле, хотя порой ей очень этого хотелось, хотя бы для того, чтобы услышать в ответ привычные, старые как мир слова утешения. «Время – великий лекарь. Каждая девушка должна хотя бы один раз в жизни пережить несчастную любовь. Свет клином на нем не сошелся. Море большое, там всегда найдется рыбка и получше».

Через несколько месяцев его имя как-то раз всплыло в разговоре за завтраком. Дайана читала газету и, дойдя до страницы с театральной хроникой, подняла голову и посмотрела на сидящую напротив Кэролайн:

– Послушай, а не было ли у вас в труппе театра «Ланнбридж» некоего Дреннана Коулфилда?

Кэролайн очень аккуратно поставила на стол чашку с кофе:

– Да. А что?

– Тут написано, что он играет Кирби Эштона в фильме «Выхвати свой пистолет». Похоже, роль ему досталась лакомая, я читала книгу, там сплошной секс, насилие и толпы красавиц. И что, он был хорош? Я имею в виду, как актер?

– Да, пожалуй.

– Тут есть его фотография с женой. Он женился на Мишель Тайлер, ты это знала? Красавчик, выглядит потрясающе.

Она передала Кэролайн газету, и там был он, слегка похудевший и с волосами длиннее, чем помнила Кэролайн, но улыбка была все та же, и тот же свет в глазах, и сигарета между пальцами.

«Что ты делаешь сегодня вечером?» – спросил он, когда они только познакомились.

Кэролайн варила кофе в Зеленой комнате, вся перепачканная краской, потому что целый день провозилась с декорациями.

«Ничего», – ответила она.

«Ты знаешь, я тоже. Может, будем бездельничать вместе?»

И после этого вечера мир вдруг предстал перед ней во всей своей невероятной красоте. Каждый листочек на каждом дереве теперь казался чудом. Ребенок, играющий в мяч, старик, сидящий на скамейке в парке, – все вокруг было исполнено глубочайшего смысла, которого прежде она не виде-

ла. Скучный городишко преобразился, жители улыбались и выглядели счастливейшими созданиями на земле, солнце не переставало светить и казалось теплее и ярче, чем когда-либо раньше. И все это благодаря Дреннану. Вот что такое любить, сказал он и показал ей, как это должно быть.

Но скоро все кончилось и больше никогда не повторялось. И теперь, вспоминая Дреннана, продолжая любить его и понимая, что уже через неделю она выйдет замуж за Хью, Кэролайн расплакалась. Нет, она не рыдала вслух, не стонала, не всхлипывала, просто слезы текли из глаз не переставая и каптились по щекам, а она не замечала их и не вытирала.

Наверное, она так и сидела бы до самого утра, глядя на свое отражение в зеркале, упиваясь жалостью к себе и не зная, что ей делать дальше, на что решиться, если бы ее не побеспокоил Джоди. Он потихоньку прокрался по коридору к ее двери, постучал и, не дождавшись ответа, открыл дверь и просунул голову в комнату.

– У тебя все в порядке? – спросил он.

Его неожиданное появление оказало на Кэролайн такое же действие, как холодный душ. Она сразу взяла себя в руки, тыльной стороной ладони вытерла слезы, схватила халат и накинула его поверх ночной рубашки:

– Да-да... конечно, все хорошо... а ты почему разгуливаешь по ночам?

– Просто проснулся. Услышал, как ты пришла. Потом

услышал, как ты ходишь по комнате, и подумал, а вдруг тебе плохо.

Джоди закрыл за собой дверь и подошел к сестре. Он был в синей пижамке, босиком, а его рыжие волосы торчали сзади, как петушинный гребень.

– Почему ты плакала? – спросил он.

Отвечать: «Вовсе я и не плакала» – было бессмысленно.

– Да так, пустяки, – сказала Кэролайн, хотя это тоже прозвучало довольно бессмысленно.

– Зачем ты говоришь «пустяки»? О пустяках не плачут.

Джоди подошел к ней совсем близко, так что глаза их оказались на одном уровне.

– Может, ты голодная? – спросил он.

Кэролайн улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– А я голодный. Я бы спустился вниз, поискал чего-нибудь.

– Так иди.

Но Джоди не двинулся с места, его глаза блуждали по комнате, словно пытаясь отыскать то, что сделало его сестру такой несчастной. Наконец его взгляд упал на пачку писем, на фотографию. Джоди взял ее и стал разглядывать.

– Это же Дреннан Коулфилд, – сказал он. – Я видел его в фильме «Выхвати свой пистолет». Фильм категории «А», конечно, но я упросил Кэти пойти со мной. Он там играл Кирби Эштона. Классно сыграл, между прочим. – Он посмотрел на Кэролайн. – Ты что, знакома с ним?

– Да. Мы вместе играли в театре «Ланнбридж».

– Теперь он женатый.

– Я знаю.

– Поэтому ты плакала?

– Возможно.

– Ты что, его близко знала?

– Ох, Джоди, это было давно и быльем поросло.

– Тогда почему же ты плакала?

– Просто расчувствовалась.

– Но ведь ты... – Он остановился, не зная, стоит ли употреблять глагол «любить». – Ты же собираешься замуж за Хью.

– Знаю. Потому и расчувствовалась. Так иногда бывает: вспомнишь что-то такое, что уже давно в прошлом и больше никогда не вернется, да и всплакнешь. Но все уплыло, и плакать без толку.

Джоди пытливо всмотрелся в ее лицо. Потом положил фотографию на место:

– Слушай, я спущусь вниз, поищу там какой-нибудь пирожок и вернусь. Ты чего-нибудь хочешь?

– Нет. Только постарайся не шуметь, а то Дайану разбудишь.

Он вышел за дверь. Кэролайн положила письма и фотографию обратно в ящик и плотно его закрыла. Потом принялась собирать разбросанные вещи: повесила в шкаф платье, вставила распялки в туфли, сложила на стул остальное.

К тому времени, как Джоди вернулся, неся свою закуску на подносе, Кэролайн уже успела причесаться и ждала его, сидя в кровати. Джоди поставил поднос на прикроватный столик и устроился рядышком.

– У меня есть одна идея, – заявил он.

– Хорошая?

– Думаю, да. Понимаешь, тебе кажется, что я вовсе не против ехать с Дайаной и Шоном в Канаду. Но я против. Мне совершенно не хочется туда ехать. Я готов на все, лишь бы не ехать.

Кэролайн уставилась на него:

– Но, Джоди, я думала, что ты хочешь с ними поехать. Ты был так увлечен этими планами.

– Да это я просто делал вид из вежливости.

– Господи, разве можно делать вид из вежливости, когда речь идет о таких вещах, как отъезд в Канаду?

– Можно. А вот сейчас я тебе говорю, что не хочу никуда ехать.

– Но в Канаде тебе будет хорошо, весело.

– Откуда ты знаешь? Ты там никогда не была. Да и школу свою я не хочу бросать, там у меня друзья, футбольная команда.

Кэролайн была совершенно обескуражена:

– Почему же ты раньше мне об этом не говорил? Почему говоришь только сейчас?

– Не говорил, потому что ты вечно была занята своими

письмами, подставками для тостов, вуалями и прочей ерундой.

– Но для тебя я никогда не бываю слишком занята...

Джоди пропустил ее слова мимо ушей и продолжил:

– Я говорю тебе это сейчас, потому что если не скажу сейчас, то потом будет поздно. Уже не останется времени. Ну, хочешь послушать, какова моя идея?

Она вдруг встревожилась:

– Уж и не знаю. Что за идея?

– Я думаю, что должен остаться здесь, в Лондоне, и не ехать ни в какой Монреаль... Нет, остаться не с тобой и Хью, а с Энгусом.

– С Энгусом? – Это было почти смешно. – Твой Энгус сейчас где-нибудь у черта на куличках. В Кашмире, или в Непале, или еще где-то. Да если бы даже мы знали, как с ним связаться, – а мы этого не знаем, – он бы ни за что не вернулся в Лондон.

– Ни в каком он не в Кашмире и не в Непале, – сказал Джоди, откусив огромный кусок пирога. – Он в Шотландии.

Сестра уставилась на него: уж не ослышалась ли она, правильно ли поняла то, что он сказал с набитым ртом?

– В Шотландии?

Джоди кивнул.

– С чего ты взял, что он в Шотландии?

– Ни с чего не взял. Просто знаю, и все. Он прислал мне письмо. Я получил его недели три назад. Энгус работает в

гостинице «Стрэткорри армз» в графстве Пертшир.

– Он написал тебе письмо? И ты мне ничего не сказал?

Джоди насупился:

– Я думал, так будет лучше.

– А где сейчас это письмо?

– У меня в комнате, – ответил он и откусил от пирога еще один здоровенный кусок.

– Ты мне его покажешь?

– Хорошо.

Джоди слез с кровати и тут же исчез, но вскоре снова появился.

– Держи, – сказал он, протягивая письмо Кэролайн, снова забрался на кровать и взял стакан молока.

Конверт был дешевый, коричневато-желтый, с адресом, напечатанным на машинке.

– Без имени, без обратного адреса, – заметила Кэролайн.

– Знаю. Я нашел его однажды днем, когда вернулся домой из школы, и сначала подумал, что мне хотят что-то продать. Похоже на такие письма, правда? Например, когда заказываешь какие-то вещи...

Кэролайн достала из конверта письмо, один листок почтовой бумаги, который явно много раз вынимали и перечитывали; казалось, еще немного, и он рассыплется в прах.

*Гостиница «Стрэткорри армз»,
Стрэткорри,
графство Пертшир*

Мой дорогой Джоди!

Такие письма, как это, обычно жгут, не читая, потому что оно совершенно секретное. Оно ни в коем случае не должно попасться на глаза Дайане, иначе моя жизнь не будет стоить и ломаного гроша.

Два месяца назад я вернулся из Индии и вместе с одним парнем, с которым познакомился в Персии, случайно оказался здесь. Сейчас он уже уехал, а мне удалось устроиться на работу коридорным в гостинице; помимо прочего, я должен наполнять ведра углем и корзинки дровами. Гостиница полна стариков, приехавших сюда порыбачить. Когда они не рыбачат, то сидят неподвижно в креслах, словно полгода назад померли.

После того как наши корабль поставили в док, я пару дней провел в Лондоне. Я бы пришел навестить тебя и Кэролайн, но страшно боялся, что Дайана схватит меня, повесит мне на шею хомут (в виде крахмального воротничка), подкует меня (наденет туфли из черной кожи) и примется холить (подстрижет шевелюру). И потом ей нужно будет только подождать, когда я окончательно смирюсь, после чего меня взнуздают и я покорно стану возить ее на своей спине.

Передай К., что я ее люблю. Скажи ей, что я здоров и счастлив. Если у меня что-то изменится, я дам тебе знать.

Скучаю по вам обоим.

Энгус

– Джоди, почему ты мне раньше его не показал?

– Я подумал, а вдруг тебе придет в голову показать его Хью, а он все расскажет Дайане.

Кэролайн еще раз перечитала письмо:

– Он даже не знает, что я выхожу замуж.

– Скорее всего, не знает.

– Мы можем ему позвонить.

Но Джоди сразу воспротивился:

– У нас нет номера телефона. И к тому же кто-нибудь может подслушать. И вообще, звонить по телефону неудобно, ты не видишь лица другого человека, да и связь в любой момент может прерваться.

Кэролайн знала, что ее младший брат терпеть не может телефоны, даже побаивается их.

– Тогда давай напишем письмо.

– На письма он никогда не отвечает.

Это была чистая правда. Кэролайн забеспокоилась еще сильнее: Джоди явно что-то задумал, но вот что именно?

– Так что же делать?

Джоди глубоко вздохнул:

– Нам с тобой надо отправиться в Шотландию и отыскать его. Все объяснить. Рассказать, что у нас происходит. – Он помолчал и добавил, повысив голос, словно Кэролайн была слегка глуховата: – Сказать, что я не хочу ехать с Дайаной и Шоном в Канаду.

– Ты же знаешь, что он ответит. Скажет, что его, черт побери, это не касается.

– Не думаю, что он так скажет...

Кэролайн стало стыдно.

– Хорошо. Предположим, мы поедem в Шотландию и найдем там Энгуса. И что мы ему скажем?

– Что он должен приехать в Лондон и жить со мной, заботиться обо мне. Что он не может всю жизнь увиливать от обязательств, – это то, что всегда говорит Дайана. А я и есть его обязательство. Вот кто я такой – обязательство!

– Как он сможет о тебе заботиться?

– Ну, снимет небольшую квартирку, найдет работу...

– Кто, Энгус?

– Почему бы и нет? Другие же так делают. Он упирался все это время только потому, что не желал выполнять хотелки Дайаны.

Кэролайн не смогла сдержать улыбку:

– Ну что ж, тут ты, пожалуй, прав.

– Но ради нас он приедет. Он пишет, что скучает по нам. Что хочет быть с нами.

– А как мы доберемcя до Шотландии? Дайана сразу обнаружит, что нас нет. Станет звонить по аэропортам, по вокзалам. И машину ее взять тоже нельзя, нас остановит первый же полицейский.

– Ясное дело, – сказал Джоди. – Но я все продумал. – Он допил молоко и придвинулся ближе к сестре. – У меня есть план.

До апреля оставалось лишь несколько дней, но погода стояла хмурая и ветреная, и к вечеру совсем стемнело. Да и днем было не слишком светло. С самого утра по небу ползли низкие свинцовые тучи, из которых то и дело брызгал холодный дождик. За городом тоже все казалось унылым и неприветливым. Холмы, насколько хватало глаз, были покрыты бурой, пожухлой травой. Снег, оставшийся после последнего снегопада, покрывал большую часть возвышенностей подобно кое-как размазанной сахарной глазури; снег лежал и в разбросанных то здесь, то там глубоких расщелинах и оврагах, куда не попадал луч солнца.

Неширокая долина между холмами, по которой петляло русло реки, насквозь продувалась северным ветром, прилетевшим, наверное, из самой Арктики, резким, безжалостным и холодным. Он свистел в голых ветвях деревьев, выдувал из канав опавшие осенью листья, заставляя их метаться по воздуху в безумной пляске, шумел в вершинах высоких сосен, будто далекий морской прибой.

Церковное кладбище располагалось на открытом месте, от ветра здесь негде было укрыться, и одетые во все черное люди, сбившись в тесную группу, горбились под его порывами. Накрахмаленный стихарь приходского священника хлопал и пузырился на ветру, словно неправильно установленный парус, и Оливер Кэрни, стоявший с непокрытой головой, уже почти не чувствовал ни щек своих, ни ушей и очень жалел о том, что не надел под плащ теплую подкладку.

Странное у него было состояние: сознание как бы пребывало в некоем помутнении и лишь временами становилось ясным, как прозрачный кристалл. Слова священника, проводившего обряд, вроде должны были быть совершенно понятны, но Оливер едва слышал их, и вместе с тем все его внимание было приковано к огромному букету нарциссов с ярко-желтыми лепестками, которые в этот мрачный день горели, как свеча в темной комнате. Почти все стоящие вокруг него, но за пределами его поля зрения люди, провожающие умершего в последний путь, были безлики, как тени, и только двое привлекли его внимание, будто фигуры на переднем плане картины. Одним из них был Купер, немолодой уже лавочник, надевший по случаю такого события свой лучший костюм из твида и черный трикотажный галстук. Другой – Дункан Фрейзер, сосед Кэрни, в грузной фигуре которого было нечто успокаивающее. Еще там была девушка, довольно странная, – на фоне их скромного сборища она выглядела несколько неуместно. Темноволосая, худенькая и загорелая, в меховой шапке, надвинутой на уши, в огромных темных очках, за которыми почти совсем скрывалось лицо. Довольно эффектно. Даже вызывающе. Кто такая? Подружка Чарльза? Это вряд ли...

Поймав себя на том, что предается мыслям, недостойным события, Оливер постарался выбросить их из головы и в который уже раз сосредоточиться на происходящем. Но злобный ветер, словно приняв сторону личного змея-иску-

сителя Оливера, с удвоенной силой набросился на него, заывая, поднял с земли вихрь лежащих у его ног сухих листьев и швырнул их в воздух. Оливер испуганно отвернулся и неожиданно для себя уперся взглядом прямо в незнакомую девушку. Она сняла очки, и он с изумлением увидел, что это Лиз Фрейзер. Да-да, рядом со своим отцом стояла невероятно элегантная Лиз. На мгновение их глаза встретились, и Оливер отвернулся, пытаясь собраться с мыслями. Лиз, которую он не видел уже года два или даже больше. Лиз, теперь уже совсем взрослая и по какой-то причине оказавшаяся в Росси-Хилле. Лиз, которую так обожал его брат. Оливера охватило чувство благодарности к ней за то, что она нашла время и пришла сегодня сюда. Для Чарльза не было бы ничего дороже в мире, чем этот ее поступок.

Наконец все, слава богу, закончилось. Отвернувшись от могилы, заваленной дрожащими на ветру весенними цветами, люди двинулись обратно, мечтая поскорее попасть туда, где тепло. Разбившись на группы по два-три человека, они покидали церковное кладбище, подгоняемые порывами ветра, выметающего их за ворота, как метла выметает пыль.

Оливер неожиданно для себя обнаружил, что стоит на тротуаре, пожимая протянутые руки и произнося приличествующие ситуации слова:

– Как хорошо, что вы пришли... Да... это для нас трагедия...

Старые друзья, жители деревни, а также фермеры, живущие на той стороне Релкирка, многих из которых Оливер ни разу в жизни не видел. Друзья Чарльза. Каждый из них подошел к нему и представился.

– Спасибо, что вы пришли, проделав такой путь. Если у вас будет время по дороге домой, загляните к нам в Кэрни. Миссис Купер приготовила большое чаепитие...

Остался один только Дункан Фрейзер. Крупный, крепко сбитый мужчина в застегнутом на все пуговицы черном пальто, обмотанный кашемировым шарфом, с седыми волосами, растрепанными ветром. Оливер поискал глазами Лиз.

– Она ушла, – сказал Дункан. – Отправилась домой сама. Да и правда, что тут хорошего.

– Очень жаль. Но вы ведь зайдете к нам, а, Дункан? Пропустите стаканчик-другой для согрева.

– Конечно зайду.

Возле него вдруг возник священник:

– Оливер, я зайти не смогу, но все равно спасибо. У меня жена слегла. Думаю, грипп.

Они пожали друг другу руки, молча выражая признательность с одной стороны и сочувствие – с другой.

– Дайте мне знать, что вы собираетесь делать дальше, – добавил священник.

– Мог бы сказать и сейчас, но, боюсь, это займет много времени.

– Ну тогда потом, торопиться нам некуда.

Ветер раздувал его сутану. Руки с зажатым в них молитвенником распухли и покраснели от холода. «Пальцы как говьяжьи сосиски», – подумал Оливер. Священник повернулся и пошел по церковной дорожке между покосившимися надгробиями, маяча белым стихарем в сгущающихся сумерках. Оливер смотрел ему вслед, пока тот не вошел в храм, закрыв за собой большую дверь, а потом двинулся по тротуару к своей одиноко стоящей машине. Влез в нее, захлопнул дверь и уселся поудобней, радуясь тому, что остался один и никого больше нет рядом. Теперь, когда мучительная церемония похорон закончилась, можно попробовать смириться с мыслью, что Чарльза больше нет. Ему казалось, что стоит только смириться с этим, и все, весьма вероятно, пойдет легче. Оливер уже ощущал... не то чтобы удовлетворение, нет, конечно, но некоторое спокойствие, и ему приятно было думать, что на похороны сегодня пришло так много народу, и тем более приятно, что и Лиз тоже была там.

Путаясь в складках плаща, Оливер полез в карман, нащупал пачку сигарет, достал одну и прикурил. Он смотрел на пустую улицу и говорил себе, что пора ехать домой, чтобы выполнить последние общественные обязательства перед гостями. Они ведь будут его ждать. Он повернул ключ зажигания, выжал сцепление и тронулся с места. Под жесткими протекторами зимних покрышек хрустели замерзшие водостоки.

К пяти часам ушел последний гость. Впрочем, нет, предпоследний. Возле парадной двери все еще стоял старенький «бентли» Дункана Фрейзера, но Дункана никогда не считали гостем.

Проводив последнюю машину, Оливер вернулся в дом, хлопнул за собой входную дверь и прошел в библиотеку, к теплу и комфорту пылающего камина. Лайза, престарелая сука породы лабрадор, поднялась с пола и через всю комнату подошла к нему, а потом, поняв, что тот, кого она ждала, еще не пришел, медленно вернулась обратно и снова устроилась на коврик у камина. Это была собака Чарльза, она выглядела потерянной и одинокой, и видеть ее такой было особенно невыносимо.

Оливер отметил, что, оставшись один, Дункан придвинул кресло поближе к огню и расположился поудобней. Щеки его покраснелись, возможно от жаркого огня, но скорее от внутреннего жара после выпитых им двух больших порций виски.

В комнате, всегда имевшей запущенный вид, остались следы недавнего чаепития с приготовленным стараниями миссис Купер превосходным чаем. Белоснежная камчатная скатерть на сдвинутом в дальнюю часть комнаты столе была усыпана крошками от фруктового пирога. Пустые чайные чашки стояли вперемежку со стаканами, предназначенными для напитков покрепче чая.

Дункан поднял голову навстречу вошедшему Оливеру,

улыбнулся и вытянул ноги.

– Пожалуй, мне тоже пора домой, – сказал он не утратившим прежней звучности голосом, в котором слышался акцент уроженца города Глазго.

Проговорив это, он, однако, даже не пошевелился.

– Не спешите, останьтесь ненадолго, – сказал Оливер и подошел к столу, собираясь отрезать себе кусочек пирога. Ему очень не хотелось оставаться сейчас одному. – Расскажите мне про Лиз. И налейте себе еще чего-нибудь выпить.

Дункан Фрейзер с сомнением посмотрел на свой опустевший стакан, словно прикидывал, стоит ли принять это предложение.

– Ладно, – проговорил он наконец.

Заранее зная, что он не откажется, Оливер забрал у него стакан.

– Ну разве только чуть-чуть, – добавил Дункан. – Сам-то ты даже еще не пригубил. Давай со мной за компанию.

– Конечно. Теперь и я выпью.

Оливер подошел к столу, поставил стакан Дункана, нашел еще один чистый, разлил виски и слегка разбавил водой из графина.

– А ведь я ее даже не узнал, можете себе представить? – сказал он. – Гляжу на нее и думаю: кто такая?

Он взял стаканы и понес обратно к камину.

– Да, она сильно изменилась.

– Она давно к вам приехала?

– Пару дней назад. Отдыхала где-то на Карибах, что ли, с подружкой. Ездил ее встречать в Прествик, в аэропорт. Не собирался, но... в общем, подумал, что лучше будет, если про Чарльза ей расскажу я сам. – Он чуть заметно усмехнулся. – Ты же знаешь, Оливер, женщины – странный народ. Поди пойми, о чем они думают. Все держат в себе, будто боятся отпустить.

– Но сегодня она пришла.

– О да, она там была. Сегодня Лиз впервые в жизни реально столкнулась с тем, что умирают не только люди, про которых ты читаешь в газетах и в некрологах, но и твои знакомые. Умирают друзья. Умирают те, кого ты любишь. Завтра она, возможно, пойдет к тебе... или послезавтра... Не могу сказать точно...

– Она была единственной девушкой, к которой Чарльз был равнодушен. Вы это знаете, верно?

– Да, всегда знал. Даже когда она была еще совсем маленькой...

– Он только ждал, когда она подрастет.

На это Дункан ничего не сказал. Оливер нашел сигарету, прикурил и присел на краешек кресла с другой стороны камина. Дункан не спускал с него глаз.

– Что ты теперь собираешься делать? Я имею в виду, с Кэрни?

– Вы про имение? Продам его, – ответил Оливер.

– Вот, значит, как.

– Именно так. Других вариантов у меня нет.

– Жаль, что такое место уйдет.

– Да, но я ведь здесь не живу. Работаю в Лондоне, и все корни мои теперь там. К тому же я не гожусь на роль шотландского помещика. Не то что Чарльз.

– Неужели родной дом для тебя ничего не значит?

– Конечно значит. Это дом, где я вырос.

– Ты всегда был рассудительным парнем. И как ты живешь в Лондоне? Я терпеть его не могу.

– А я люблю этот город.

– Зарабатываешь хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.